Петр ПОСПЕЛОВ:

Известия. – 2002. – 9 янв. – с. 8

Оперную постановку можно продать

«Сила судьбы» — первое оперное событие сезона, которое уже вполне ясно отражает вкусы и идеи нового руководства Большого театра. О репертуарной политике Большого главка Управления творческого планирования Петр ПОСПЕЛОВ рассказал корреспонденту «Известий» Екатерине БИРЮКОВОЙ.

— «Сила судьбы» — не новый спектакль. Его купили в Италии. Какой в этом смысл?

— Оригинальные постановки, надолго остающиеся в репертуаре одного театра, — расточительная и далеко не единственная модель. Аренда готовых спектаклей — путь, который принят в мировой практике.

— Опера пройдет считанное количество раз и уедет. Не жалко?

— У нас просто привычка к репертуарному театру. А когда в Консерватории проходит симфоническая программа, никому ведь не приходит в голову говорить: как же это, один раз и все?

— Но симфоническую программу можно повезти на гастроли.

— А оперную постановку можно продать или сдать в аренду. Например, в конце этого сезона у нас будет «Хованщина». Наверное, двумя блоками по нескольку спектаклей подряд она пройдет и в следующем сезоне. И еще один блок через год. А потом думаем куда-нибудь ее продать. Год-два отдохнуть — и сделать новую постановку «Хованщины». Вот такая система. Вместе с тем нельзя сказать, что мы полностью отказываемся от репертуарного театра. Например, самые продаваемые балеты Чайковского всегда, наверное, будут в репертуаре.

— Вернемся к «Силе судьбы». Спектакль выглядит очень консервативно. Чем он отличается от старых постановок театра?

— «Евгений Онегин», «Иван Сусанин», другие спектакли, которые идут в старых живописных декорациях, — это все-таки большой стиль сталинского времени. Что до «Силы судьбы», то она не относится ни к какой эпохе. Для нас это абстрактная модель итальянского оперного

театра. Это стиль, который не испытывает влияния моды. Мне это кажется очень современным подходом. Поэтому определенный процент таких постановок будет и дальше в репертуаре Большого.

— Но режиссерские спектакли тоже будут?

— Конечно. Рядом будут существовать противоположные, даже взаимоисключающие, эстетики. Нет одного стиля, который целиком обозначал бы сегодняшнее лицо Большого театра.

— Тем не менее Большой ассоциируется с определенной эстетикой — с шапками, кокошниками...

— ...с бородами, боярскими кафтанами. Эту эстетику тоже не вычеркнешь. Полностью сворачивать такие постановки смысла нет. Просто их должно становиться меньше. А в новых постановках русской оперы должна все-таки жить современная художественная мысль. Так, без разрыва, без противоречия, без противостояния тому, что было, Большой театр перейдет к новому этапу.

— Каким будет соотношение русских и западных опер?

— Сейчас заметен определенный перекос в сторону русского репертуара. А должно быть примерно 50 на 50. Естественно, нужны итальянские оперы — потому что это самая близкая нам оперная культура. Кроме того, у нас очень много долгов перед другими европейскими традициями. Сейчас, например, не идет ни одной немецкой, ни одной французской оперы. А из опер XX века — только две прокофьевские. Обязательно нужна современная опера. Вообще, когда я пришел сюда знакомиться, я сказал, что одним из магистральных направлений Большого театра вижу поиск современной оперы.

— Имеется в виду опера, специально написанная для Большого?

— Да, потому что когда партитура долго лежит в столе, выясняется, что она была написана для другого театра, для других певцов, для других условий. А современные проекты имеют смысл только тогда, когда осуществляются под конкретную дату, сцену, дирижера, под конкретных певцов, которые говорят композитору, какие арии и колоратуры им нужны. Я считаю, что опера XXI века окажется больше похожа на оперу XIX, чем на оперу XX века. В ней будут возвращены права номерной структуре, кантилене, театру переживания. При этом она не станет заигрывать с поп-музыкой.

— Когда ждать современную оперу в Большом?

— В следующем сезоне или через сезон.